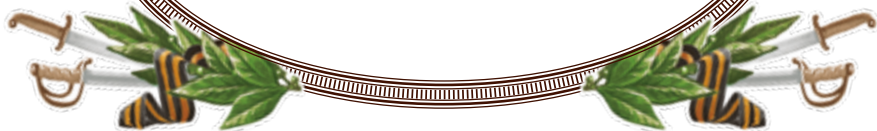

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Наталья Михайловна
Афанасьева

По-разному можно относиться к желанию людей узнать свою родословную. Еще совсем недавно, в эпоху «развитого социализма», подобные стремления не приветствовались – все мы считались представителями нового сообщества советских людей, точкой отсчета служила Октябрьская революция. Это привело к тому, что многие настолько утратили всякую связь с прошлым нашей страны, с ее историей, что даже не знали, кем был их дед и бабушка до революции. А ведь история нашего Отечества началась задолго до 1917 г. и имеет немало славных страниц, непосредственными участниками и героями которых были наши предки. Имеем ли мы право забывать их имена, не интересоваться их вкладом в судьбу России? Можем ли мы считаться сыновьями и дочерьми этой земли, если даже не знаем, насколько глубоко уходят в нее наши корни? Для меня ответы на эти вопросы теперь очевидны, но тогда, в нашем общем советском прошлом, я тоже не задумывалась о своем происхождении.

Только с наступлением «перестройки и гласности», когда наше общество стало более свободным, на меня пролился целый дождь генеалогических открытий. Заслуга приобщения меня к этим знаниям целиком принадлежит Сергею Алексеевичу Саложникову – историку, генеалогу, герольдмейстеру Российского Дворянского Собрания. Это он, занимаясь изучением жизни и деятельности моего деда (о нем впереди особый разговор), заодно отыскал и меня. Благодаря ему я узнала подробности своей родословной, приобщилась к архивным исследованиям, вступила в Дворянское Собрание, а потом и в Общество потомков участников войны 1812 г., где нашла столько интересных и близких мне по духу друзей-соратников. Вступить в ряды этого Общества мне было особенно приятно, так как мой дед, полковник царской армии, состоял членом Общества потомков¹ еще до революции и многое сделал для увековечивания памяти героев «грозы Двенадцатого года». Но лучше рассказать обо всем по порядку.

Первым известным представителем нашего рода стал **Петр Афанасьев** сын Афанасьев (родился в 1722 г.), сумевший дослужиться до поручика, хотя и происходил из так называемых «солдатских детей», которые начинали службу просто рядовыми и выбивались, как правило, только в унтер-офицеры. Петр же Афанасьев, достигнув обер-офицерского чина, получил потомственное дворянство за «беспорочную» службу и тем самым положил начало нашему роду, почти все поколения которого посвятили свою жизнь военному поприщу. Не буду утомлять читающего эти строки перечислением чинов и этапов жизни всех моих предков, а остановлюсь только на ключевых фигурах, судьба которых сложилась особенно причудливо.

Молодого дворянина Нижегородской губернии – **Михаила Афанасьева** (моего пра-прадеда) – Отечественная война 1812 г. застала в статской службе: он занимал скромную должность коллежского регистратора в Арзамасском уездном суде (ему 23 года). Вторжение наполеоновской армии нарушило привычный уклад русской жизни и круто изменило судьбы тысяч мирных людей, заставив их взять в руки оружие. Охваченная патриотическим подъемом общественность с готовностью откликнулась на призыв Александра I создавать народные ополчения в помощь измученной, отступающей под напором жестокого врага русской армии.

Михаил Афанасьев вместе со старшим братом Ипполитом вступают в срочно формируемый 3-й пехотный полк Нижегородского военного ополчения, с которым они и проходят славный боевой путь от подмосковных полей до самой Франции. В официальных документах ополчения они, согласно обычаю тех лет, именуется Афанасьевым 1-м и Афанасьевым 2-м. Ипполит (Афанасьев 1-й) при вступлении в ополчение получил звание подпоручика и должность полкового адъютанта, Михаил (Афанасьев 2-й) стал прапорщиком (как имеющий более низкий статский чин по сравнению с Ипполитом, который до войны значился губернским секретарем). С первых же дней своей службы они стараются организовать правильное обучение подчиненных, и Афанасьев 1-й даже попадает в «Список штаб- и обер-офицеров пехотных полков ополчений <...>, отличившихся усердием и трудами в сформировании обучения и доведении тех полков до совершенной исправности».

Уже в начале сентября 1812 г. нижегородские ополченцы принимают участие в «пресечении дороги неприятельским французским отрядам». С изгнанием захватчиков за пределы России нижегородцы, вместе со всей армией, продолжают преследование отступающего неприятеля. Непривычно для современного уха звучат старинные, неупотребляемые ныне названия государств, оказавшихся на пути ополченцев: Герцогство Варшавское, Пруссия Старая и Новая, Моравия, Богемия, Цесария, Саксония и т. д.

В послужном списке Михаила Афанасьева² нас более всего интересует графа «Во время службы своей в походах и делах против неприятеля где и когда был; также какие награды за отличия в сражениях и по службе удостоился получить». Сухой, порой неловкий канцелярский язык той эпохи доносит до нас через века следующее перечисление военных действий 1813 г., где Афанасьеву 2-му пришлось особенно тяжело: «Октября 1-го у прикрытия артиллерии, 4-го в перестрелке с французами, 5-го в действительном сражении, где ранен в левую руку пулею, 12-го под крепостью Пирн, потом вторично под городом Дрезденом. Октября 25 и 26 при с. Рейхенберге в сражениях и удержании неприятельского корпуса ранен в правую ногу пулею же». Кстати, Афанасьев 1-й (Ипполит) за бой при с. Рейхенберг получил орден Св. Анны 3-й степени³ за действия «с отличной неустранимостью» и «сверх того с отличной храбростью исполнял поручения по адъютантскому званию его».

Михаил же «По Указу Правительствующего Сената за отличную в ополчении службу получил ВЫСОЧАЙШЕЕ благоволение». Как же сложилась его судьба после войны? Из того же формулярного списка узнаем, что он «По роспуску ополчения в дома свои, по ВЫСОЧАЙШЕМУ приказу переведен в Чугуевский Уланский полк с переименованием в Корнеты». Дальнейшая его жизнь тоже связана с военной службой: в 1817 г. он становится поручиком, в 1820 – штабс-ротмистром, в 1821 уходит в отставку «за ранами» с мундиром ротмистра и полным пенсионом. К этому времени он уже женат, имеет сына, которому всего год, и увольнение от службы, конечно, вызвано понятным желанием вкушать тихой помещичьей жизни в кругу семьи после военных опасностей молодости.

Теперь я переключусь на рассказ о деде, **Владимире Александровиче Афанасьеве** (1873–1953) – ученом-историке и боевом генерале. Начало его жизненного пути типично для военной молодежи того времени: 1-й Московский кадетский корпус в Лефортове (здание сохранилось – 1-й Краснокурсантский пр., 3/5, ныне там размещается Военная академия бронетанковых войск), Александровское военное училище на Знаменке (здание неузнаваемо перестроено в 1930-х годах), служба в лейб-гвардии Павловском полку. Очень скоро начинает проявляться его тяга к историческим знаниям, стремление к научной деятельности. В 1899 г. он поступает в Николаевскую Академию Генерального штаба, после окончания которой служит в Московском военном округе. С 1908 г. – полковник.

С приближением знаменательной даты – 100-летия Отечественной войны 1812 г. – Россия начинает готовиться к празднованию великого события. Общество потомков участников Отечественной войны 1812 г. считает датой своего основания 1913 г., то есть оно

возникло на волне патриотического подъема, охватившего всю страну в связи с юбилейными торжествами. Но задолго до этого, еще в 1907 г., действительный член Императорского русского военно-исторического общества полковник Генерального штаба В.А. Афанасьев ставит вопрос о создании в Москве музея «славной памяти Двенадцатого года», а в 1908 г. возбуждает инициативу создания Кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г.

В своей брошюре «Где быть музею 1812 года?» Владимир Александрович доказывает необходимость его создания в следующих выражениях: «...много драгоценных сокровищ эпохи 1812 года рассеянно по лицу России, которые или с честью помещены под сенью величественных храмов (Казанский собор, Чудов монастырь), или скромно украшают далекие дворянские усадьбы, ожидая в неизвестности своей участи.

Того ли заслужили эти безмолвные свидетели нашествия величайшего полководца? <...>

Воздвигнутые памятники-храмы созданы, конечно, для молитвы, а не для изучения или беглого обзора отдаленной эпохи великой борьбы народов.

Неправда ли, жезл маршала Даву, прикрепленный к стене Казанского собора в С.-Петербурге, лишь случайно попадает на глаза посетителю храма, пришедшему помолиться.

В специальном же музее и жезлу, и знаменам, и отдельным портретам, и манифестам нашлось бы каждому свое место. <...>

Не следует ли поэтому нам, потомкам героев Бородинского и иных сражений, действительно закрепить вечную память тех, о которых ежегодно возносится тихое моление на богослужении в день Рождества Христова»⁴.

Интересно, что созданный под руководством полковника Афанасьева Особый комитет по устройству в Москве музея 1812 г. планировал разместить его в Арсенале московского Кремля («среди святынь Кремля»). Тогда это было вполне возможно...

Лучше всего о деятельности Особого комитета рассказывают сами его члены в прощальном адресе, поднесенном Владимиру Александровичу в связи с отъездом его на фронт в 1916 г. (второй год шла Первая мировая война):

Полковник Генерального штаба Афанасьев в парадной форме

«Глубокоуважаемый
Владимир Александрович,

ВЫСОЧАЙШЕ Утвержденный Особый Комитет по устройству в Москве Музея 1812 г. начал свою деятельность по Вашему просвещенному почину в 1908 году. Вы первый и главный проводник мысли об устройстве в Москве храма славы, достойного памяти героев Отечественной войны. С первого заседания Комитет возложил на Вас трудную обязанность ученого секретаря комитета и Вы, как подобает энергичному поборнику первой мысли, сделали главным и неутомимым работником во всех начинаниях Комитета.

При Вашем ближайшем участии Комитет в первые шесть лет сделал то, что не выпадало на долю других подобных художественно-просветительных исторических учреждений-памятников: большинство их раскрывало свои двери для широкой публики через много лет от дня своего зарождения, Вы же сумели заинтересовать все слои русского народа «священной памятью Двенадцатого года» настолько, что в первый же год своей деятельности Комитет мог устроить выставку памяти Отечественной войны. При Вашем же участии была устроена в юбилейный год вторая выставка, занявшая своими собраниями 9-й зал ИМПЕРАТОРСКОГО Исторического Музея и вызвавшая большой интерес широких слоев общества. Кроме того, библиотека Музея, открытая для всех работников по истории Отечественной войны, дала возможность использовать собранный к юбилейным дням материал для составления исторических очерков войсковых частей и комиссий при губернских археологических музеях.

При Вашем ближайшем участии Комитет собрал сумму до 200 000 рублей на устройство Музея 1812 г., получил окончательное разрешение вопроса о месте для Музея, каковое по ВЫСОЧАЙШЕ-МУ повелению определено среди святынь Кремля, выработал план переустройства арсенала Петра Великого для нужд музея и проект штата для его обслуживания. <...>

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденный Особый Комитет по устройству в Москве Музея 1812 г., высоко ценя Вашу неустанную работу по созданию музея, выражает Вам глубокую благодарность и преисполнен горячим желанием, чтобы святое ратное дело окружило Вас ореолом славы, подобной той, которая витает над великими именами героев 1812 года и чтобы вернувшись здоровым с полей битв Вы снова приняли участие в работах ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного Особого Комитета и увидели самый храм славы Первой Отечественной Войны с раскрытыми для всех дверями».

Деятельность Особого комитета по устройству в Москве музея 1812 г. тесно связана с Кружком ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г., у истоков образования которого тоже стоит В.А. Афанасьев. Кружок начал свою активную работу с января 1910 г. В Исторической библиотеке сохранился «Очерк возникновения и деятельности...» этого Кружка⁵, датированный 1915-м годом. Изучая эту брошюру, просто диву даешься, сколь многообразную и разностороннюю работу вели члены Кружка, сколь действительно ревностно служили они «славной памяти Двенадцатого года». Не могу удержаться от перечисления хотя бы главных разделов их деятельности с моими краткими пояснениями (сам «Очерк...» слишком велик, чтобы приводить его здесь целиком).

1. Доклады на общих собраниях. Многие темы их исторических докладов и сейчас возбуждают у меня повышенный интерес:

«Из дневника обывателя о событиях Отечественной войны»;

«Результаты поездок по Виленской губ. и о приобретенных предметах, относящихся до эпохи Отечественной войны»;

«О памятных орудиях 1812 г. и о постановке из них памятников»;

«Значение 1812 г. в жизни русской женщины»;

2. Увековечение событий и героев 1812 г. Речь идет о сооружении новых и поддержании в исправном состоянии старых памятников, имеющих отношение к событиям 1812 г. С удивлением узнаю об очередном необычном предложении своего деда: «По инициативе члена Совета Кружка полковника В.А. Афанасьева было возбуждено ходатайство о выполнении Высочайшей воли Императора Александра I (указ от 14 декабря 1812 г., данный на имя Московского главнокомандующего графа Ф.В. Ростопчина) о постановке у Храма Христа Спасителя колонн из памятных орудий, отбитых в 1812 году». Не забыты инициативы и труды других членов Кружка. Например: «Казначеем Кружка Н.А. Шаминым проявлена особая энергия в деле розыска могил участников Отечественной войны и возбуждения соответствующих ходатайств об их сохранении».

3. Сношения с учреждениями и чествование памятных дней. Кружок считал своей обязанностью напоминать общественности о наступлении юбилейных дат эпохи 1812 г. и организовывать панихиды по павшим воинам.

4. Работа членов Кружка. Персонально перечислены члены Кружка, внесшие особо заметную лепту в его деятельность. Поражает разнообразие исследовательских направлений. Например: «В.А. Балашовым выполнена большая работа – подбор выдержек из множества печатных трудов по войне 1812 г. на русском, французском и немецком языках, трактующих о пожаре Москвы. <...>

И.С. Беляев взял на себя труд собирания военных и народных песен, относящихся ко времени Отечественной войны. <...>

Члены Кружка ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г.

Е.Н. Клетовой в 1910 г. произведены подготовительные работы по обследованию Семлевского озера (в Вяземском уезде), в которое, по данным литературы и местным преданиям, были брошены французами, при спешном отступлении в 1812 г., военные трофеи и награбленные в Москве драгоценности. <...>

В.П. Федоровым собрано 100 копий с послужных списков участников Отечественной войны» и т. д. Все очень нужные и важные дела.

5. Издания Кружка и его членов. Эта область деятельности Кружка особенно обширна. Многие темы и сейчас еще мало известны широкому кругу читателей:

«Народная военная сила. Дворянские ополчения в Отечественную войну»;

«Формирование легионов из пленных французов, итальянцев и голландцев в гор. Орле в 1812–1813 гг.»;

А член Кружка А.Н. Касаткин даже написал пьесу «Военный совет в Филях».

Кроме этого, Кружок занимался сбором пожертвований, расширением своих отделов в других городах и даже изготовлением нагрудных знаков (жетонов) для своих членов с девизом «Мы все в одну сольемся душу».

Для нас, современных потомков участников войны 1812 г., материалы Кружка и сейчас могут служить своеобразным пособием и руководством к действию, так как наши дореволюционные предшественники, кажется, не оставили без внимания ни одно из возможных направлений деятельности во славу великой эпохи.

Следует отметить, что Кружок насчитывал 390 членов, и с наступлением Первой мировой войны многие из них получили возможность на деле доказать свой патриотизм. Вчитаемся в заключительные строки брошюры:

«Обращаясь к обстоятельствам данного времени, приходится прийти к заключению, что настоящая так называемая “вторая Отечественная война” (так называли в те времена Первую мировую) всецело поглотила силы, средства, досуг и мысли не только нашего Кружка, но и всего многомиллионного русского народа, а посему временное затишье нашей деятельности вполне понятно и допустимо.

На поле брани, послушные призыву Верховного Вождя доблестной русской рати, Государя Императора, ныне находятся наши сочлены во главе с уважаемым председателем ген. от инф. П.П. Яковлевым.

Некоторые из них, как-то бывший секретарь капитан А.А. Писанко (посмертно награжден орденом св. Георгия 4 степени) и капитан И.С. Карамышев уже кровью своею запечатлели верность долгу и присяге – пали в боях с современными варварами-тевтонами и швабами смертью храбрых, защищая честь и достоинство России и всего славянства».

Принимая самое деятельное участие в работе Особого комитета и Кружка, В.А. Афанасьев продолжает научные исследования в области военной истории, консультирует Ф. Рубо при написании им панорамы «Бородинская битва», способствует изготовлению и открытию на Бородинском поле памятника родного ему Павловского полка, выпускает ряд печатных трудов.

Мировая война 1914–1918 гг. прерывает его творческую работу и заставляет вернуться к своей основной профессии – в 1916 г. он становится командиром 65-го пехотного Московского Его Величества полка. Оказавшись в боевой обстановке, полковник В.А. Афанасьев проявляет себя умелым руководителем и талантливым военачальником. Его ратные труды отмечены орденами: Св. Владимира 3-й и 4-й степеней с мечами, Анны 2-й степени, Станислава 2-й и 3-й степеней.

Совершенно уникальный памятник сложной, переломной эпохе 1917 г. – прощальный приказ по 65-му Московскому полку, написанный Владимиром Александровичем при переводе его на должность генерал-квартирмейстера 2-й армии:

Памятник Павловскому гренадерскому полку на Бородинском поле.
Архитектор В. Верещагин, 1912 г.

ПРИКАЗ

По 65 пехотному Московскому полку
№ 123

25 марта 1917 года. Квартира-бивак
в крепости Двинск

МОИ БОЕВЫЕ ТОВАРИЩИ, ДОБЛЕСТНЫЕ МОСКОВЦЫ,

Волею начальства я командирован во 2-ю армию на должность Генерал-квартирмейстера и сегодня, покидая Ваши ряды, держу к Вам мое последнее слово.

Недолго довелось нам прослужить вместе, но много пришлось пережить, особенно в эти мартовские дни, когда Московцы, верные своему воинскому долгу, непосредственно защищая честь родины на боевой позиции у Бергофа от немцев, обеспечили грудью своей спокойный переход к новому Государственному строю.

За 217 лет много славных командиров стояло во главе полка, начиная с первого полковника Иваницкого. Все они, а по их примеру и я, вели Вас по путям чести для славы и на радость нашей Могучей Родины. Мы верно служили Государям, которые всегда отмечали нашу боевую службу. Когда же, волею Божию, Государь, наш Шеф, Николай II сложил с себя Царскую власть для блага Родины, то мы, послушные долгу, спокойно приняли это небывалое еще решение и своим примером старейшего Шефского полка показали достойный пример прочим.

Ныне, расставаясь с Вами, я благодарю Вас за доблестную боевую службу Родине под моим начальством. Уверен, что старый полк, сражавшийся со славою под Нарвою, Полтавою, бивший немцев под Кунендорфом и бравший Берлин еще во времена Фридриха Великого, отстаивавший Москву под Бородиным, освобождавший от турок наших братьев славян на Кавказе и на Балканах, сражавшийся под Комаровым, Куршанами и целых 1,5 года задержавший до сего дня вместе с другими, а Бог даст и далее, немцев под Двинском, в их понятном стремлении взять Петроград, достоин новой славы, новой любви и новых отличий уже Свободного народа в эту вторую великую Отечественную войну.

А если в общей работе и боевых трудах полка есть, и Вы признаете, и моя доля, то этим я буду счастлив...

Спасибо Вам храбрые подпрапорщики и фельдфебели, Вам лихие унтер-офицеры и всем Вам доблестные солдаты Московцы, строевые, нестроевые и писаря.

Да живет с Божией помощью, и заступлением Его Великих Святителей Петра, Алексея и Ионы, наш славный, старый Московский полк, доколе стоит Великая Россия и красуется Златоглавая Матушка Москва.

МОСКОВЦЫ ОБЯЗАНЫ И БУДУТ ЗАЩИЩАТЬ ИХ ДО ВЕКА,
а потому:

*Никто не бойся вражей мести,
Милой жизни не жалеи,
Для победы и для чести
Славной Родины своей.*

Бюрократический, казалось бы, документ написан возвышенным литературным слогом! Да еще с приложением стихов.

К сожалению, последовавшие за Февральской революцией Октябрьский переворот и Гражданская война не только прекратили существование Кружка, Особого Комитета и Общества потомков участников войны 1812 г., но и перевернули весь уклад русской жизни, нанеся непоправимые удары русской культуре. Эти трагические события коснулись всего русского народа, но, в первую очередь, его образованной части, поскольку большевистское правительство относилось к интеллигенции к «высшим классам», а, следовательно, к «врагам трудящихся».

Кроме трудностей существования в новых советских условиях, на Владимира Александровича в 1920 г. обрушиваются одна за другой две семейные трагедии: погибает его старшая дочь (утонула, спасая младшую сестру), и вскоре умирает от тифа и психической травмы жена – Маргарита Михайловна Нарышкина, родственница знаменитой основательницы Спасо-Бородинского монастыря М.М. Тучковой. Владимир Александрович похоронил ее в самом монастыре, используя свое место: «<...> с трудом удалось получить разрешение НКПС перевезти тело Мары в Бородинский монастырь, где у меня было место около первой Церкви Спаса (на 3-й флеш), о котором я позаботился, уезжая на войну. После обедни в Спасской Церкви Мару похоронили в первой части флеш, вблизи, таким образом, ее бабки, основательницы Бородинского монастыря, и деда Александра Михайловича Нарышкина, погребенного в самой церкви <...> До 9-го дня мне разрешили отпуск, и я провел его в Бородинском монастыре, ежедневно посещая службы и панихиды на могиле».

Оставшись в голодные послереволюционные годы один с двумя детьми на руках (моему отцу было 7 лет, сестре – 9), дедушка попал в отчаянное положение. Спасение пришло в лице Наталии Александровны Сабуровой, с которой они поженились в 1922 г. и которая надолго стала ангелом-хранителем для него и детей.

Но жизнь бывшего царского полковника в советской стране, конечно, не могла быть безмятежной: по обвинению в антисоветской деятельности он в 1930 г. попадает в тюремную камеру. «Я сидел

**Владимир Александрович
Афанасьев и Маргарита
Михайловна Нарышкина.
1909 г.**

в Бутырской тюрьме в одиночной камере № 42 (с 27. XII. 30) и, понятно, очень томился неизвестностью о Наташе и детях. Вследствие моего нежелания писать про себя роман (вымышленные сведения, необходимые им тогда в целях создания видимости военного заговора), мне обещали их разорить, а меня физически уничтожить.

В апреле 1931, помнится, среди посылаемых мне из библиотеки книг я получил «Басни» Крылова, изданные уже в советское время, где в первой части были напечатаны и его другие произведения и, между прочим, прекрасные переложения некоторых псалмов. Так как мы были лишены Евангелия и Молитвенников, то я с особой радостью и благодарностью к Проведению читал их. Особенно поразило меня переложение 37-го псалма, где, говоря о близких, стоящих около меня, и врагах, желающих моей гибели, Крылов написал:

*...И дух мой не отдаст он аду
Врагам неправедным в отраду.
Их не свершится торжество,
Не посмеется мне их злоба,
Что у ворот ужасных гроба
Помочь бессильно божество...»*

Сохранилась фотография Владимира Александровича в тюремной одежде. Но даже в робе узника «старорежимный специалист» сохраняет все признаки русского интеллигента начала прошлого века. Сразу видно, что только силою непреодолимых обстоятельств этот человек оторван от научной работы, но без паники, с достоинством переносит выпавшее на его долю испытание. Наверное, поэтому тюремная шапка на седой голове историка «из бывших» воспринимается скорее как почетный головной убор магистра Кембриджского университета,

**Владимир Александрович Афанасьев
в Таганской тюрьме. 1930 г.**

а не как элемент арестантской формы. Кажется, сама Русская Культура, плененная «победившим пролетариатом», смотрит на нас с этого старого снимка.

Владимиру Александровичу удалось отделаться только полугодовым тюремным заключением и ссылкой в Сибирь, но сколько их, представителей старой, дореволюционной культуры было расстреляно, замучено в ГУЛАГе, стерто с лица земли! Какой непоправимый ущерб нанесен нации!

Те же, кому довелось уцелеть, пройдя через «поражения в правах», лагеря и тюрьмы, продолжали трудиться на благо своей Родины, доказывая примером своей жизни, что правительства и режимы приходят и уходят, а необходимость служения Отечеству остается всегда.

По отбытии ссылки М.А. Афанасьев возвращается в Москву (1935 г.) и продолжает заниматься научной работой; он даже защищает кандидатскую диссертацию (1944 г.) и вскоре получает звание профессора; работает в Институте истории Академии наук и Государственном историческом музее.

Дедушка умер в 1953 г., похоронен на Ваганьковском кладбище. Он прожил долгую жизнь, наполненную плодотворной работой, и, конечно, красной линией в его судьбе прослеживается идея служения памяти героев 1812 г.

Нашу военную династию продолжил и мой отец – **Михаил Владимирович Афанасьев** (1913–1982), участник Великой Отечественной

Мы с сыном в Спасо-Бородинском монастыре у могилы бабушки – М.М. Нарышкиной

Михаил Владимирович Афанасьев
в 1944 г.

войны, закончивший ее комендантом Потсдама. С самой ранней юности он не представлял себе жизни без армии и очень боялся, что может быть не принят в военное училище как «сын врага народа». Но дедушка к тому времени вернулся из ссылки, был восстановлен в правах, и поступление отца в военное училище все-таки состоялось. Войну он встретил уже офицером.

До сих пор мне жаль, что отец до обидного мало рассказывал о войне, а ведь он служил в полковой разведке, многократно сам с разведгруппой проникал на захваченную территорию, приводил «языков». Только на его похоронах я услышала от его боевых товарищей, что он отличался безрассудной смелостью в ночных вылазках за линию фронта, где каждый метр передвижения грозил смертью.

Самой же мне запомнилась фраза отца о том, что еще не написано ни одной книги и не создано ни одного фильма, где была бы верно отражена правда о войне. Быть может, поэтому отец и был так скуп на воспоминания – он считал тему войны недоступной для изложения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сборник Общества потомков участников Отечественной войны. Выпуск 1. – М., 1914.

² ВЦГБИА. Ф. 395. Св. 316/261. 3 ст. 2 отд. Д. 1030.

³ ЦГИА. Ф. 1343. Оп. 16. Ед. хр. 3191.

⁴ Афанасьев В.А. Где быть музею 1812 года? – М., 1907.

⁵ Кружок ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года при Московском отделе Императорского Русского Военно-Исторического Общества. (Очерк возникновения и деятельности в первое пятилетие его существования). – М., 1915.

При написании статьи также использованы материалы семейного архива.